

ББК 71.0
УДК 13.07

Зайцев Виктор Сергеевич,
аспирант,
ФГБОУ ВПО «Государственная академия славянской культуры»,
Филиал в г. Твери, Студенческий пер., 11 а, 1
70100 г. Тверь, Российская Федерация
E-mail: azuma_nelson@rambler.ru

МОЖЕТ ЛИ А. П. ЧЕХОВ БЫТЬ СУБЪЕКТОМ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ?

Аннотация: Личность А. П. Чехова является уникальным культурным феноменом. Попытка интерпретации категории «субъект культуры» на примере данного феномена расширяет представление о роли отдельной личности в культурных процессах. Отдельные положения концепции диалога культур и семиотического подхода допускают возможность переосмысления субъект-объектных и субъект-субъектных отношений в культурном пространстве. Полноценная коммуникация, которая является необходимым атрибутом рецепции как текста культуры, так и личности его автора, возможна, прежде всего, в рамках субъект-субъектных отношений. Изучение механизмов подобной коммуникации на примере таких художников, как А. П. Чехов, позволяет говорить о существовании вневременных субъектов культуры, т. е. личностей, адекватных многим социокультурным контекстам. В культуре не существует мёртвых форм, есть актуальные и неактуальные реалии. Актуальность применительно к личности в культурном пространстве является мерилем «субъектности».

Ключевые слова: субъект, культура, диалог культур, актуальность, Чехов, Бахтин, Лотман.

2015 год будет отмечен 155-летием со дня рождения классика отечественной и мировой культуры — Антона Павловича Чехова. Юбилей личности подобного масштаба заостряют внимание на многих вопросах: какое место занимает та или иная фигура в жизни человечества, в чём специфика творчества того или иного художника и насколько сильно его влияние на современную культуру и т.п. Вопросы во многом «ритуальные» ввиду того, что вне каких бы то ни было круглых дат внимательный наблюдатель может оценить, насколько востребован и интересен конкретный творец. В случае с А. П. Чеховым это подтверждается, в частности, его пьесами, которые ежегодно входят в репертуар ведущих российских и зарубежных театров. А статья в «The New Yorker», посвящённая лауреату Нобелевской премии по литературе 2013 г. Элис Манро называлась «Alice Munro, Our Chekhov». Последний пример особенно показателен: имя «А. П. Чехов» переросло рамки собственно

© Зайцев В. С., 2014

имени, превратившись в культурный знак «качества», характеристику, не требующую расшифровок, в уникальный культурный феномен. Данная статья является попыткой проанализировать феномен А. П. Чехова, переосмыслив термин «субъект культуры».

Категория «субъект культуры» в рамках современной культурологии не унифицирована, как и часть понятийного аппарата всего комплекса гуманитарных наук. Однако существуют её определения, котирующиеся как более или менее удовлетворительные.

Так, согласно словарю «Культурология. Энциклопедия» (ред. С. Левит), субъект — это «одна из главных категорий философии и культурологии, обозначающая человека действующего, познающего, мыслящего в отвлечении от его конкретных индивидуальных характеристик» [9, с. 602]. Э. В. Ильенков в статье для «Большой советской энциклопедии» определял субъекта как «существо, обладающее познанием и волей, способностью к целесообразной деятельности, направленной на тот или иной предмет; человек, познающий и изменяющий окружающий мир» [4, с. 184].

В данной статье предпринята попытка доказать, что отдельные положения концепции «диалога культур» и семиотического подхода к культуре могут быть эвристически полезными для развития культурологической мысли или по крайней мере стать почвой для дискуссии относительно того, является ли классик субъектом культуры.

Ряд исследователей ответит на данный вопрос отрицательно. Феномен А. П. Чехова преимущественно изучался в рамках филологических и исторических наук. По теории и истории культуры исследований, связанных с изучением личности и творчества А. П. Чехова, автором не обнаружено.

Тематика диссертаций, содержащихся в едином электронном каталоге РГБ и так или иначе связанных с А. П. Чеховым, в общем виде распадается на четыре главных потока:

- 1) А. П. Чехов и ... (Лесков, Гончаров и т.п.) в рамках проблемы преемственности творчества, диалога, идейных сходств и различий и т.п.;
- 2) особенности чеховского творчества и текста (мифопоэтика пространства произведений, эволюция идиолекта писателя и т.п.);
- 3) проблемы рецепции (например, в иноязычной среде);
- 4) связь с современностью — но и в этом случае в основном подразумевается текст¹.

Концентрация внимания исключительно на культурном влиянии чеховского творчества так или иначе заставляет отказаться от изучения влияния собственно

¹ См., например: *Щербак А. А.* Чеховский текст в современной драматургии: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 184 с.

Показательна в этом плане и рубрикация сборника статей «Молодые исследователи Чехова» (Вып. 7: Материалы международной научно-практической конференции (Мелихово, 26–30 мая 2012 г.) / ред. Э. Д. Орлов. М.: Мелихово, 2013. 320 с.). Сборник содержит четыре раздела: Проза Чехова, «Чехов плюс...», Язык чеховских произведений, Театр Чехова.

личности, что, в итоге, приводит к «ситуации», описать которую можно цитатой В. С. Библера: «Творец воплотился в текст... И перестал быть творцом» [2, с. 96].

Существенную помощь в осмыслении данного парадокса могут оказать два положения М. М. Бахтина, на идеях которого зиждется и концепция В. С. Библера: «Объект в процессе диалогического общения с ним превращается в субъект (другое я)» [1, с. 369]. «Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным...» [1, с. 383].

Мы не отрицаем правомерность восприятия конкретного человека как объекта, который познаваем в абстрагировании от его коммуникативного, «диалогического», «субъектного» потенциала (при этом остаётся спорным вопрос, насколько полным и адекватным будет такое познание). Однако полноценная коммуникация, которая является необходимым атрибутом рецепции как текста культуры, так и личности его автора, возможна, прежде всего, в рамках субъект-субъектных отношений.

Поэтому исследователь неизбежно встанет перед выбором: либо продолжить воспринимать «объект знания» в качестве вещи, отказав ему в праве на любой диалог, либо постараться выйти за рамки традиционного подхода к изучению деятелей культуры прошлых эпох как исключительно «объектов». Перспективным выступает путь синтеза вышеописанных подходов. В соответствии с первым из них, А. П. Чехов — врач, писатель, живший в 1840–1904 гг., — есть объект изучения постольку, поскольку нас интересуют факты его биографии, его философские и эстетические взгляды и его тексты. Однако для решения более глобальных проблем влияния А. П. Чехова на культуру конца XIX, XX, начала XXI вв. необходим иной подход.

В противном случае, интерпретируя вышеприведённое высказывание В. С. Библера, «творец перестаёт быть творцом, превращаясь в текст», феномен, называемый «А. П. Чехов», оказывается ограниченным либо рамками собственных биографий, либо рамками собственных текстов, интерпретация которых в культуре нашего времени объясняется их влиянием на «субъектов культуры». В то время как субъекту, создавшему эти произведения, отказано в праве на присутствие в культурном пространстве.

Мы не говорим о полной функциональной тождественности гипотетического ныне живущего театрального режиссёра, руководящего постановкой «Вишнёвого сада», и А. П. Чехова. Но мы полагаем, что категория «субъект культуры» нуждается в более детальной классификации, позволяющей уйти от односторонней трактовки «субъекта», что это понятие не может быть однородным.

И театральный режиссёр, интерпретирующий чеховскую пьесу в начале XXI в., и А. П. Чехов, умерший в начале XX в., — оба являются субъектами современного культурного пространства, совместно формируют его. Парадокс взаимоотношения между автором произведения и читателем проиллюстрирован в статье Ю. С. Канькова, посвящённой «Божественной комедии»: «...любая попытка проникнуть в тайну поэзии Данте оборачивается “саморазоблачением” исследователя,

то есть автор «Комедии» легко «прочитывает» нас, а мы лишь вносим лепту на «обустройство» его тайн» [5, с. 55].

Иными словами, временное расстояние, отделяющее автора от читателя, компенсируется адекватностью автора не только современному, но и многим будущим социокультурным контекстам. Возможности вписать идейное наследие А. П. Чехова в любую «современность» могут быть проиллюстрированы, в частности, постановкой японского режиссёра Оризы Хираты «Три сестры. Андроид версия». Наряду с актёрами, в этом спектакле на сцене действовали два робота, и у каждого была полноценная роль (один из них «играл» Ирину), а само действие было перенесено в Японию 2030 г. Подобная адекватность (или актуальность) может стать мерилем «субъектности» в рамках данного культурного пространства, а её носителей мы назовём «транстемпоральными субъектами», к которым относится и А. П. Чехов.

Критерии, по которым субъект культуры «отчуждается» от Времени и становится вне его, равно и механизм формирования подобной субъектности, могут стать темой более обширного исследования.

Ключевым критерием, позволяющим выявлять транстемпоральные факторы в каком-либо субъекте, является понятие актуальности. В культуре не существует мёртвых форм, есть актуальные и неактуальные реалии, т. е. актуальность применительно к личности в культуре становится мерилем «субъектности».

До тех пор, пока «жизнетворчество» влияет на культурные процессы, личность, с ним связанная, остаётся субъектом культуры; когда влияние ослабевает или исчезает, она превращается в объект. Поэтому Н. В. Кукольник или И. И. Лажечников ближе к объектам культуры, нежели А. П. Чехов и Ф. М. Достоевский. М. К. Мамардашвили описывал схожий феномен, когда говорил о «вечных объектах»: «Мы имеем дело с какими-то актами или объектами, которые можно назвать вечными объектами или вечными актами. <...> Существуют вещи, которые не случились, а случаются. Вечно. То есть в нашей душевной жизни мы не можем принять это событие как свершившееся, а должны считать себя внутри его — как свершающегося... Повторяю, существуют такие события, которые вечно со-бытийствуют» [8, с. 78–79]. Аналогично мы не можем принять транстемпорального субъекта как лишившегося своей «субъектности», трансформировавшегося в аморфную форму — объект нашего познания, а если это произойдёт, то культурология применительно к изучению А. П. Чехова и многих великих авторов фактически станет придатком литературоведения. А замена в другом тезисе М. К. Мамардашвили — «Философия есть способ приобщения к вечному настоящему, это место, где мы современны со всеми людьми» [7, с. 539] — слова «философия» на «культура» даёт почти не нуждающуюся в корректировке и комментировании модель пространства, в котором осуществляются описываемые здесь вневременные субъект-субъектные отношения.

В качестве иллюстративного материала целесообразно привести довольно обширную выдержку из статьи Ю. М. Лотмана «К построению теории взаимодействия культур»: «...поэтическое явление Пушкина было воспринято читате-

лями начала 1820-х гг. как нечто небывалое и новаторское. Освоение этого явления потребовало создания в читательском сознании «образа Пушкина». Образ этот стал в дальнейшем самостоятельным фактом литературы. Находясь между Пушкиным как реальным и динамическим литературным явлением и читательским сознанием, он играл двоякую роль: истолковывал и «переводил» мир Пушкина, т. е. способствовал пониманию, и упрощал, снимая все новое, динамическое и в него не укладывающееся, т. е. порождал непонимание. Этот «двойник» Пушкина не был статичен: реальное творчество и жизненное поведение поэта его постоянно, хотя он этому и сопротивлялся, трансформировали. Но и он влиял на творчество и поведение реального Пушкина, заставляя его часто вести себя «как Пушкин». После смерти поэта этот образ проявил чудовищную способность к росту и выдающуюся культурную активность» [6, с. 205–206].

Описанный Ю. М. Лотманом «образ» с некоторыми оговорками применим к другим выдающимся деятелям культуры, кроме того, именно он может служить приблизительным описанием формирования «транстемпорального субъекта». Не вполне корректно было бы отождествлять этот «образ» с его реальным «прототипом».

Точно так же и вневременной субъект не тождествен полностью тому субъекту культуры, который действовал в рамках некоего культурного пространства на протяжении ограниченного временного отрезка. После смерти художника, вбирая с каждым последующим поколением и культурными реалиями нечто качественно новое, он перерастает данного художника, номинально (и это парадокс) оставаясь им же.

Именно этот процесс имеет в виду М. М. Бахтин, утверждая: «Мы можем сказать, что ни сам Шекспир, ни его современники не знали того “великого Шекспира”, которого мы теперь знаем. Втиснуть в Елизаветинскую эпоху нашего Шекспира никак нельзя. <...> Модернизации и искажения, конечно, были и будут, но не за их счет вырос Шекспир. Он вырос за счет того, что действительно было в его произведениях, но что ни он сам, ни его современники не могли воспринять и оценить в контексте культуры своей эпохи» [1, с. 350–351].

Попытка понять механизм и динамику формирования лотмановского «образа Пушкина» и бахтинского «Шекспира» находит иллюстративную опору в вопросе, которым в своё время задался В. С. Библер: «Как возможно логически воспроизвести (и возможно ли вообще) “Ты” в другом “Я” моего собственного мышления (но воспроизвести в качестве Собеседника, а не Двойника)?» [2, с. 58]. В процессе чтения чеховского текста (и любого культурно значимого текста, за которым стоит авторитетный создатель) происходит вычленение «Собеседника», который, оставаясь частью «Я» воспринимающего эти тексты индивида, сливается с образом автора, «становится» А. П. Чеховым. В процессе дальнейшей рецепции чеховского текста этот «Собеседник» обретает автономию, т. е. трансформируется в субъекта культурного диалога. Существование таких «Чеховых» в сознаниях изучающих их людей кристаллизует единый для данного культурного пространства образ субъекта (виртуального субъекта, субъекта культуры), само имя которого обретает статус культурного феномена и немалое количество коннотаций.

Таким образом, трансвременность может быть охарактеризована не только как способность данного субъекта вписываться в контекст культуры любой эпохи, как способность к отмеченным Ю. М. Лотманом росту и культурной активности, к влиянию на культурную среду, но и как способность, испытывая влияние последующих эпох, так или иначе трансформироваться (т. е. можно говорить о своеобразном вневременном взаимовлиянии художника и различных социально-культурных контекстов).

Благодаря подобной «поликонтекстности», А. П. Чехов у Л. Шестова предстаёт агностиком [12], в исследовании А. С. Собенникова [10] содержатся подкреплённые доказательной базой попытки увидеть сближения чеховских взглядов и христианской философии, П. Н. Долженков [3] выявляет сугубо научные позиции писателя, а А. П. Чудаков [11] исходит в своём анализе из неприятия писателем каких бы то ни было догматов, выводя известную и во многом плодотворную характеристику А. П. Чехова как «человека поля».

Неизбежно встаёт вопрос о целесообразности вышеприведённых попыток пересмотра категории «субъект культуры».

Глобальные процессы последних десятилетий (кризис гуманитарного образования, падение интереса к классической литературе) диктуют необходимость поиска новых путей к интерпретации многих категорий «традиционной» культуры, что должно помочь избежать её профанации, а также «вписать» в это новое пространство великих деятелей отечественной и мировой культуры без потери их статусности.

Очевидно, что лишённые конкретики формулировки о неувядающей классике рано или поздно перестанут справляться с данной задачей. Этим объясняется наша попытка выявить и исследовать конкретные механизмы воздействия на современную культуру таких художников, как А. П. Чехов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- 2 *Библер В. С.* От наукоучения — к логике культуры: Два филос. введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
- 3 *Долженков П. Н.* Чехов и позитивизм. М.: Изд-во «Скорпион», 2003. 192 с.
- 4 *Ильенков Э. В.* Субъект и объект // Большая советская энциклопедия: в 51 т. М.: Большая сов. энциклопедия, 1956. Т. 41. С. 184–185.
- 5 *Каньков Ю. С.* «Божественная комедия» Данте: проблема рецепции // Классика и современность. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2001. С. 54–64.
- 6 *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
- 7 *Мамардашвили М. К.* Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 608 с.
- 8 *Мамардашвили М. К.* Психологическая топология пути. СПб.: Русский Христианский гуманитарный ин-т, 1997. 473 с.
- 9 *Микешина Л. А.* Субъект // Культурология. Энциклопедия: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. Т. 2. С. 602–608.

- 10 Собенников А. С. Чехов и христианство. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2001. 82 с.
- 11 Чудаков А. П. «Между “есть бог” и “нет бога” лежит целое громадное поле...» Чехов и вера // Новый мир. 1996. № 9. С. 186–192.
- 12 Шестов Л. Творчество из ничего // А. П. Чехов: pro et contra. СПб.: Русский Христианский гуманитарный ин-т, 2002. С. 566–598.

* * *

Zaitsev Viktor Sergeevich,

post-graduate student,

Tver branch of FSBI HPE «The State Academy of Slavic Culture»,

Studencheskij pereulok, 11a, 170100 Tver', Russian Federation

E-mail: azuma_nelson@rambler.ru

CAN A. P. CHEKHOV BE A SUBJECT OF MODERN CULTURE?

Abstract: Personality of A. P. Chekhov is a unique cultural phenomenon. An attempt to interpret the category «a subject of culture» as an example of this phenomenon extends the idea of the role of the individual in cultural processes. Certain provisions of the concept of dialogue of cultures and semiotics allow us to rethink the subject-object and subject-subject relations in the cultural space. Full communication, which is a necessary attribute of the reception of a cultural text and the personality of its author, is possible in the framework of the subject-subject relations. Studying the mechanisms of influence on the culture of artists such as A. P. Chekhov suggests the existence of timeless subjects of culture, i. e. individuals, which are adequate to many socio-cultural contexts. There is no dead forms in culture, there are relevant and irrelevant realities. The relevance of the individual in the cultural space is a measure of «subjectivity».

Keywords: subject, culture, dialogue of cultures, relevance, Chekhov, Bakhtin, Lotman.

REFERENCES

- 1 Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, 445 p.
- 2 Bibler V. S. *Ot naukoucheniya — k logike kul'tury: Dva filos. vvedeniya v dvadtsat' pervyi vek* [From the science of knowledge to the logic of culture. Two philosophical introductions in the twenty-first century]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 413 p.
- 3 Dolzhenkov P. N. *Chekhov i pozitivizm* [Chekhov and positivism]. Moscow, Izd-vo «Skorpion» Publ., 2003. 192 p.
- 4 Il'entov E. V. Sub'ekt i ob'ekt [Subject and object]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia: 51 vol.]. Moscow, Bol'shaya sov. Entsiklopediya Publ., 1956, vol. 41, pp. 184–185.
- 5 Kan'kov Y. S. «Bozhestvennaia komediia» Dante: problema retseptsii [«The Divine Comedy» by Dante: the problem of the reception]. *Klassika i sovremennost'* [Tradition and Modernity]. Cheboksary, Izd-vo Chuvashskogo un-ta Publ., 2001, pp. 54–64.

- 6 Lotman Y. M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [The articles about semiotics of culture and art]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2002. 544 p.
- 7 Mamardashvili M. K. *Ocherk sovremennoi evropeiskoi filosofii* [Essay on modern European philosophy]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2012, 608 p.
- 8 Mamardashvili M. K. *Psikhologicheskaya topologiya puti* [Psychological Topology of Path]. St. Petersburg, Russkii Khristianskii gumanitarnyi in-t Publ., 1997. 473 p.
- 9 Mikeshina L. A. Sub'ekt [Subject]. *Kul'turologiya. Entsiklopediya* [Culturology. Encyclopedia: in 2 vol.]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2007, vol. 2, pp. 602–608.
- 10 Sobennikov A. S. *Chekhov i hristianstvo* [Chekhov and Christianity]. Irkutsk, Izd-vo Irkutskogo gos. un-ta Publ., 2001. 82 p.
- 11 Chudakov A. P. «Mezhdu “est' bog” i “net boga” lezhit tseloe gromadnoe pole...» Chekhov i vera [«There is a vast space between “the God exists” and “the God doesn't exist” ...» Chekhov and faith]. *Novyj mir* [New World], 1996, no. 9, pp. 186–192.
- 12 Shestov L. *Tvorchestvo iz nichego* [Creation from Nothing]. *A. P. Chehov: pro et contra* [A. P. Chekhov: pro et contra]. St. Petersburg, Russkij Hristianskij gumanitarnyj in-t Publ., 2002, pp. 566–598.